

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Воровать у мертвецов
страшнее, чем
у живых...*

Чингиз
Абдуллаев

Второе
рождение
Венеры

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Второе рождение Венеры

«PEN-клуб»

2009

Абдуллаев Ч. А.

Второе рождение Венеры / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2009 — (Дронго)

Женщины коварны и непредсказуемы. В этом лишний раз убедился эксперт-аналитик Дронго, случайно, пролетом, оказавшийся на одном из островов Мадейры. Так уж совпало, что он остановился в отеле, большая часть номеров в котором заселена представительницами прекрасного пола. И какими представительницами! Все они съехались на конференцию феминисток... В ночь перед закрытием форума в своем номере умирает престарелая баронесса Хильберг. Естественная смерть пожилой дамы не вызвала бы никаких сомнений, если бы не одно «но»: в ту же ночь пропала принадлежавшая баронессе кукла, изготовленная известным мастером. Цена игрушки – пять миллионов евро... Над островом разражается ураган, все авиарейсы отменены. Дронго берется распутать дело, но обилие прекрасных дам постоянно отвлекает его от главного. А когда ночью в его номере появляются две очень красивые и раскованные женщины, он запоздало понимает, что все это время его умело обрабатывали...

© Абдуллаев Ч. А., 2009

© PEN-клуб, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Акифович Абдуллаев

Второе рождение Венеры

«Женщина может иногда признаться в своих грехах, но я не знал ни одной, которая бы призналась в своих слабостях».

Бернард Шоу

«Женщины вообще не могут быть абсолютно правдивыми. Они всем решительно лгут: судьям, своим любовникам, своим горничным и самим себе».

Эмиль Золя

«В этом паразитическом мире, созданном Аллахом, все так или иначе управляется Иблисом (Дьяволом). Наши страсти, наши пороки, наши несовершенства, наши недостатки. Иногда складывается такое впечатление, что Иблис просто назначен сюда присматривать за людьми как некий «управляющий» этим грандиозным, но нелепым заведением. Хотя каждый из нас все равно подсознательно помнит, что любая игра рано или поздно обязательно закончится встречей с Хозяином этого дома, который спросит с нас, в том числе и за уступки, которые мы делали «управляющему» из-за своих слабостей или в силу особенностей нашего характера. И плата будет непомерно высокой, ведь на кону будут наши души».

Али Эфенди

Глава 1

На островах Мадейры всегда хорошая погода. Эти острова находятся гораздо ближе к Африканскому континенту, чем к Европе, хотя и принадлежат уже много веков Португалии. Сюда любят приезжать на отдых богатые туристы из Европы и Америки, наслаждаясь почти всегда приятной погодой, ярким солнцем и прохладным бризом, дующим с Атлантического океана.

Столица Мадейры – Фуншал находится на самом большом острове, который тоже называется Мадейра. Именно здесь собрались три дня назад участники мировой конференции представителей женских организаций, проводящих свою очередную встречу, посвященную проблемам гендерного равноправия, борьбе против дискриминации женщин при их приеме на работу, оплате труда; участники конгресса даже рассматривали сексуальные проблемы, неизбежно возникающие в любом коллективе, где трудятся представители разных полов.

Конференцию освещали крупнейшие мировые информационные агентства, приславшие сюда своих корреспондентов. Она завершилась накануне вечером, и многие делегаты уже успели улететь в свои страны, покинув гостеприимный Фуншал. Другие собирались улететь сегодня. Размещенные в нескольких отелях города, они уже собирались отъезжать в аэропорт, когда атлантический ураган, резко изменив свое направление, повернул на острова.

Но об этом пока знали только метеорологи и диспетчеры навигационных служб авиакомпаний и кораблей, уже получившие строгие указания укрыться в многочисленных бухтах островов и не выходить в открытый океан. Пока же в этот субботний день на Мадейре была прекрасная погода и ничто не предвещало приближающегося урагана.

Отель «Куинта де Каса Брайя» считался одним из лучших на острове, если не самым лучшим. Бывшая усадьба плантатора, переоборудованная в роскошный отель с двадцатью девятью стандартными двухместными номерами, находящимися в первом корпусе, и с двенадцатью двухэтажными номерами-апартаментами, находящимися во втором корпусе. Там же располагались и два больших сьюта, в один из которых нынешним утром и вошла горничная, чтобы убрать его.

Пакита работала в этом отеле уже восемь лет и хорошо успела изучить вкусы и пристрастия гостей отеля. Если в нем появлялись молодые парочки, то уже утром они спешили в бассейн или на пляж, предпочитая ранние завтраки. Если останавливались мужчины, прилетевшие на отдых, то они, как правило, вообще не появлялись на завтраках, вывешивая табличку, чтобы их не беспокоили до полудня. Если одинокие женщины, то многое зависело от возраста и темперамента гостя. Некоторые предпочитали вообще отказываться от завтраков или заказывали их в номер. Некоторые уезжали завтракать в другие места, а некоторые предпочитали дожидаться своих подруг или знакомых, завтракая в их обществе. Гостя сьюта прибыла сюда три дня назад на конференцию. Ей было уже под восемьдесят. Баронесса Элизабет Хильберг прилетела из Нью-Йорка, где проживала последние двадцать пять лет, после смерти своего супруга. Горничная Пакита уже успела запомнить распорядок дня баронессы за эти три дня. Гостя поднималась с рассветом, делала энергичные физические упражнения у бассейна и гуляла перед завтраком, чтобы ровно в половине восьмого оказаться в зале ресторана, где ее обычно ждал молодой человек, проживавший в одном из обычных номеров первого корпуса. Это был ее личный секретарь Энтони Дикинсон, с которым она завтракала. Он рассказывал ей о последних новостях, сообщал текущие сводки валют, которыми она очень интересовалась, несмотря на свой солидный возраст.

Затем они уходили на конференцию и возвращались в отель только к ужину. Поэтому Пакита вот уже два дня заходила в сьют не только утром, но и вечером, чтобы расстелить нетронутую кровать и положить на тумбочку маленькую плитку шоколада, полагающуюся гостям.

Сегодня утром она появилась в уже привычное время, в девять часов утра. И, конечно, сначала позвонила, как и полагалось в подобных случаях. Прислушалась. И снова позвонила. Но в номере уже никого не было. Она достала свой ключ и осторожно открыла дверь.

В просторной гостиной царил идеальный порядок. Баронесса не любила разбрасывать свои вещи по всем комнатам, предпочитая держать их либо на вешалках в шкафу, либо в чемоданах. Правда, чемоданов было четыре, и в них размещалось такое количество платьев, которое госпожа Хильберг могла бы надевать в течение целого месяца, но разве за это можно упрекать пожилую женщину, которая хотела выглядеть достойно и привлекательно даже в своем почтенном возрасте.

Пакита обратила внимание на стеклянную дверь, которая была закрыта. Дверь эта выходила в сад, и обычно баронесса держала ее закрытой, опуская жалюзи, которые надежно изолировали ее номер даже от нескромных взглядов. Пакита подумала, что нужно открыть дверь, чтобы проветрить гостиную. Она подошла и открыла дверь. Многие гости не закрывали эти двери, выходявшие в сад, и не опускали жалюзи даже на ночь.

Пакита поднялась на второй этаж, где находился кабинет и спальня. В кабинет она даже не стала заходить, уже зная, что там не будет обычного мусора. Она вошла сразу в спальную комнату, направляясь в большую ванную. Все полотенца висели в идеальном порядке, эта старая женщина могла ухаживать сама за собой. Пакита улыбнулась. Есть такие гости, которые словно нарочно переворачивают все в комнатах и устраивают такой беспорядок, что приходится работать в их номерах больше обычного.

Она вышла из ванной и посмотрела на кровать. Почему гостя сегодня не убрала свою постель, подумала Пакита. Она подошла ближе и едва не вскрикнула от удивления и ужаса. В кровати лежала баронесса. Небольшого роста, мелкокостная, с умиротворенным птичьим лицом, пожилая женщина, казалось, просто заснула. Пакита подошла ближе. Теперь у нее не оставалось никаких сомнений. Их гостя заснула навечно, получив в награду, очевидно за свою праведную жизнь, столь легкую смерть. Она умерла во сне, даже не почувствовав боли, легко перейдя из одного состояния в другое. Плавно и без лишней суеты, не доставляя никому ненужных забот и волнений.

Пакита на всякий случай громко кашлянула. Баронесса не шевельнулась. Пакита набралась смелости и протянула руку, дотронувшись до одеяла. Но гостя лежала спокойно, уже не обращая внимания на земную суету. Пакита оглядела комнату. На комод лежала сумочка баронессы и небольшая шкатулка. Горничная знала, что гости съезжают в их отеле обычно очень состоятельные люди. Она заколебалась. Можно взять сумочку и просмотреть ее содержимое. Рядом в небольшой шкатулке наверняка хранились ценности умершей. Одно кольцо или пара сережек могли навсегда вытащить Пакиту из бедности, обеспечить ее детей и внуков. Но Пакита только нахмурилась, не решаясь даже думать об этом. Она была набожной католичкой и не позволила бы себе ничего подобного. Кроме того, в отеле находился личный секретарь умершей, который наверняка точно знал обо всех ценностях и деньгах баронессы. Пакита даже испугалась, подумав, что ее останавливает не возможность согрешить, а опасность разоблачения. Она резко отвернулась от сумочки и шкатулки. Дьявол силен, но он не сможет овладеть ее душой. Она прошептала благодарность богу, не позволившему ей поддаться искушению, дотрагиваясь до своего крестика на груди. И снова оглядела комнату. На тумбочке справа от кровати она увидела небольшую куклу на подставке. И улыбнулась. Очевидно, баронесса была сентиментальным человеком, если возила с собой эту игрушку. Раньше гостя не оставляла куклу на тумбочке. Пакита подумала, что такую игрушку она могла бы подарить своей внучке. Но ей и в голову не пришло забрать куклу из комнаты умершей. Иначе душа покойной может явиться к ее маленькой внучке. Пакита еще раз улыбнулась этой игрушке и вышла из спальни, даже не подозревая, что именно сейчас начинается самая известная история, когда-либо происходившая на Мадейре.

В соседнем съюте, расположенном за стеной, в своем номере проснулся другой постоялец отеля. Он обычно просыпался именно в это время, успевая к завтраку, который сервировали до половины одиннадцатого. Мужчина спустился вниз в гостиную, подошел к двери в сад, поднял жалюзи. В отличие от всех остальных гостей, он никогда не забывал опускать жалюзи, надежно защищая себя от возможного проникновения посторонних. Он уже собирался подняться на второй этаж в большую ванную комнату, чтобы принять душ и побриться, когда увидел мелькнувшую тень, словно кто-то поспешил спрятаться за деревом, когда он поднимал жалюзи.

Мужчина нахмурился. Он уже хотел было открыть стеклянную дверь, чтобы выйти в сад, но передумал. Возможно, ему всего лишь показалось, что там мелькнула тень. Он повернулся, чтобы подняться на второй этаж. Нужно было успеть побриться и одеться к завтраку. Уже подходя к лестнице, он через окно увидел проходившую мимо женщину. Она была в фирменном халате отеля. На голове было полотенце. Женщину можно было видеть только со спины. Она неторопливо прошла дальше. В этом не было ничего удивительного. С левой стороны здания находился большой открытый бассейн, куда обычно по утрам выходили гости отеля.

Мужчине было под пятьдесят. Он был высокого роста, широкоплечий, скорее походивший на бывшего боксера или борца. Крупные черты лица, внимательные глаза, тонкие губы, темные редкие волосы.

Пакита уже спускалась по лестнице, чтобы сообщить о случившемся менеджеру отеля, в то время как мужчина вошел в ванную комнату и встал под душ. Он успел тщательно побриться. Уже много лет он не пользовался электрической бритвой, предпочитая безопасные лезвия. Когда он оделся и уже был готов выйти к завтраку, из парка послышался какой-то шум. Он взглянул в окно. Двое неизвестных мужчин в штатском и офицер полиции в форме беседовали совсем недалеко от стеклянной двери его номера. Мужчина пожал плечами. Странно, что офицер полиции прошел в парк, где отдыхают гости отеля. Обычно сотрудники полиции стараются не появляться в таких местах, чтобы не тревожить гостей столь элитной гостиницы.

Он спустился на первый этаж номера. Его несколько смущало появление этих людей в парке отеля. Он снова подошел к стеклянной двери, взглянул на этих мужчин. Они жестикулировали, показывая на соседний съют. Наверняка там что-то произошло, подумал мужчина. Он задернул занавеску, прошел к входной двери и вышел в коридор. В просторном коридоре находилось человек пять или шесть посторонних. Здесь же был менеджер отеля и его сотрудники, толпившиеся у входа в соседний съют. Рядом топталась супружеская пара из Австралии, живущая в соседнем номере. Гость подошел ближе.

– Доброе утро, – сказал он по-английски, – что здесь случилось?

– Наша соседка умерла сегодня утром, – пояснил глава семейства, высокий мужчина лет шестидесяти, – а вы разве ничего не слышали?

– Нет, я только недавно проснулся и был в ванной комнате, – пояснил гость.

– Полиция приехала минут пятнадцать назад, – сообщил его собеседник, – наверно, они сейчас будут нас допрашивать. Но мы тоже ничего не слышали. Все говорят, что несчастная баронесса умерла во сне. Уже вызвали ее личного секретаря.

– Сколько ей было лет?

– Не знаю, – улыбнулся австралиец, – но думаю, что под восемьдесят. И она, кстати, хорошо выглядела. Каждое утро ходила в бассейн, мы с женой все время ее там видели. А сегодня мы ходили на утреннюю рыбалку. Очень рано ушли из номера. Здесь можно взять удочки напрокат, и рыбалка здесь интересная.

– Да, мне говорили об этом. Откуда вы знаете, что умершая была баронессой?

– Об этом знает весь отель. Они же прилетели сюда на какое-то свое женское совещание, – усмехнулся австралиец, – чтобы поговорить и посоветоваться, как половчее унижать всех мужчин. Терпеть не могу все эти женские организации, которые изо всех сил стараются доказать, что мы все одинаковые существа.

– Патрик, как тебе не стыдно, – вмешалась его супруга.

– Нет, серьезно. Если дать им волю, то они потребуют, чтобы мы тоже рожали или кормили грудью, – прошипел Патрик. – Неужели все эти эмансипированные дуры не понимают, что мы всегда будем разными, такими нас сотворил бог.

– Она умерла, а ты богохульствуешь, – упрекнула его супруга.

– Я только говорю, что мы разные, – обиженно ответил Патрик, – и не нужно создавать все эти женские организации, которые чересчур рьяно борются за свои права. Иначе мы создадим мужские организации, чтобы защищать свои собственные права.

– Тише, приехали врачи, – остановила его жена.

Двое мужчин и женщина в белых халатах прошли в номер умершей. Менеджер отеля вошел вместе с ними.

– Может ее убили? – предположил Патрик. – Хотя горничная уже успела всем рассказать, что баронесса умерла как святая, во сне.

– Тогда все в порядке, – кивнул мужчина, – я думаю, что нам лучше не толпиться в коридоре, чтобы не мешать работе врачей и сотрудников полиции. Надеюсь, что госпожа баронесса уже в раю, если она прожила столь праведную жизнь.

Он обошел группу людей, направляясь в ресторан, где уже сервировали завтраки, когда увидел идущего навстречу ему мужчину. Он замедлил шаг, шедший ему навстречу мужчина тоже замедлил шаг. Они сближались друг с другом, словно не веря своим глазам. Наконец они остановились в двух шагах друг от друга.

– Не может быть, – прошептал встречный, – этого просто не может быть. Как ты здесь оказался?

– Приехал на ваш чудесный остров, вот иду завтракать, – объяснил мужчина.

– И оказался здесь в день смерти баронессы Хильберг? Честное слово, я иногда начинаю верить в бога. Такое совпадение просто невозможно. Подожди, я только сейчас все понял. Значит, это ты живешь в соседнем с ней сьюту?

– Да, Фернандо. Я прилетел вчера вечером.

Люди, толпившиеся в коридоре, уже обратили внимание на эту странную парочку. К ним подошел менеджер отеля, уже вышедший из номера.

– Кто это такой, господин начальник полиции? – спросил он у мужчины, шедшего к сьюту.

– Тебе повезло, Виржилио, – усмехнулся начальник полиции всех островов Мадейры, – перед тобой самый лучший в мире эксперт-аналитик. Если баронесса умерла своей смертью, то он подпишет нам нужное заключение. А если ей помогли, то он сумеет вычислить убийцу, даже если тот попытается скрыться в аду.

– Кто вы? – спросил удивленный менеджер.

– Обычно меня называют Дронго, – услышал он в ответ.

Глава 2

Начальник полиции Мадейры Фернандо ди Фигейреду проработал больше двадцати лет в Интерполе. После того как ему исполнилось сорок пять лет, он вернулся на Мадейру, откуда был родом, и сразу получил должность первого заместителя начальника полиции. Через два года он был уже начальником полиции. Фернандо ди Фигейреду был опытным и знающим офицером, но вся его деятельность на островах сводилась к задержанию мошенников и карточных шулеров, которые десятками появлялись здесь. Иногда попадались и обычные карманники. Еще реже – грабители. На островах было трудно спрятаться или сбежать без ведома местной полиции, поэтому серьезных преступлений здесь почти не было. Здесь не угоняли автомобили, не грабили туристов, не похищали детей и почти не случалось никаких других серьезных преступлений. За последние несколько лет, пока ди Фигейреду был начальником полиции, здесь произошло только четыре убийства. Из них дважды убийства произошли в пьяных драках, один раз муж приревновал свою супругу к заезжему гостю и убил ее, и еще один раз прибывший на остров альфонс задушил свою богатую подругу. Во всех четырех случаях убийцы были немедленно задержаны и переданы судебным органам.

Смерть баронессы Хильберг, о которой ди Фигейреду сообщили сегодня утром, в общем-то была обычным явлением. На острове не так уж редко происходило подобное: приезжие умирали в результате сердечных приступов из-за перемены климата или в результате несчастных случаев. Но баронесса прибыла на всемирную конференцию и о ее появлении на островах Мадейры сообщили многие телевизионные каналы. Теперь они наверняка сообщат о смерти Элизабет Хильберг. К тому же начальнику полиции передали сообщение о надвигающемся на острова урагане, из-за которого будут отменены все вылеты самолетов. Последний лайнер вылетел из аэропорта полчаса назад.

Поэтому в отель ди Фигейреду прибыл в скверном настроении. Когда в коридоре он увидел идущего навстречу ему Дронго, он не поверил своим глазам. Работая в Интерполе, он дважды встречался с этим человеком и хорошо знал о его способностях. Встретив его в коридоре отеля, где умерла баронесса Хильберг, он поверил в чудеса. Перед ним был Дронго, человек, способный распутать самые сложные и запутанные дела. Теперь можно было не сомневаться, что заключение столь известного эксперта не вызовет сомнений ни у одного журналиста.

– Хорошо, что ты оказался именно здесь, – радостно сказал ди Фигейреду, – пойдём, я покажу тебе, что там произошло.

– Давно ты начальник полиции на этом острове? – спросил Дронго.

– И не только на этом. На всех островах. Я же местный, приехал сюда сразу после того, как закончил свою службу в Интерполе.

На первом этаже находились сотрудники полиции и прокуратуры. Некоторые сидели на стульях. Все поднялись при появлении начальника полиции.

– Он со мной, – показал ди Фигейреду на следовавшего за ним Дронго.

Они поднялись на второй этаж. В спальне находились врачи и прибывший сюда дознаватель. Это был молодой офицер полиции Жуан Абрамшис. Ему было всего двадцать семь лет. Чуть выше среднего роста, молодой, спортивный, увлекающийся теннисом, он был местный уроженец. У него были курчавые черные волосы, как у большинства местных жителей, но кожа лица была на удивление светлой, а глаза зеленые. Очевидно, среди его предков были представители североευропейских национальностей, ведь Мадейра много веков была точкой пересечения интересов европейских стран, чьи корабли, среди которых были корабли викингов, норманнов, французов, англичан, испанцев, голландцев, португальцев, нередко заходили в порты островов. Увидев поднявшегося на второй этаж начальника полиции, Абрамшис сразу подо-

шел к нему. Он был в темно-сером штатском костюме, и поэтому начальник полиции начал с его представления.

– Это наш самый перспективный офицер Жуан Абрамшис, – сказал ди Фигейреду показывая на своего подчиненного, – к тому же он наш местный чемпион по теннису. А это господин Дронго. Самый лучший эксперт в мире из всех, кого я знал, работая в Интерполе. И хотя он родился в Баку, большую часть жизни живет в Москве, а семья его находится в Италии, он настоящий «гражданин мира», появляющийся в любой точке нашего небольшого земного шара.

– Я слышал про вас, – вежливо кивнул офицер.

– Скромно сказано – «слышал». Ты должен был читать о его расследованиях во время учебы в полицейской академии. Что у вас здесь произошло?

– Врачи говорят, что баронесса умерла во сне, – коротко доложил Абрамшис, – никаких следов насильственной смерти.

– Нашла где умереть, – пробормотал ди Фигейреду. – Вот видишь, – сказал он, обращаясь к Дронго, – даже здесь случаются такие неприятные инциденты. Даже в таких великолепных отелях. Вы закончили? – спросил он у врачей.

– Да, – кивнул один из них, – ее нужно отвезти в морг на вскрытие. Но я почти уверен, что она умерла от внезапного тромбоза. Закупорка сосудов. В ее возрасте такое может случиться в любой момент. Мне сказали, что по документам ей семьдесят восемь.

– Можете спуститься вниз, – разрешил начальник полиции, – сейчас я распоряжусь насчет ее тела.

Все находившиеся в спальне осторожно вышли из комнаты. Ди Фигейреду остался вместе с Дронго. Он подошел к лежавшей в кровати баронессе. Откинул одеяло, взглянул на покойницу.

– Что ты думаешь об этом? – спросил он у Дронго.

– Я спал в соседнем съеме и ничего не слышал, – признался Дронго, подходя к кровати, – судя по всему, она действительно умерла естественной смертью. Возраст почтенный, явных признаков насильственной смерти нет...

– Пусть еще посмотрит наш патологоанатом. Один на все острова, – сообщил ди Фигейреду, накрывая одеялом покойную, – надеюсь, что он ничего не найдет. Но нам понадобится твое заключение.

– Пожалуйста. Но я сегодня улетаю. Успеете?

– Никуда ты не улетишь, – покачал головой начальник полиции, – все рейсы отменены, всем кораблям приказано укрыться в портах. На острова надвигается ураган. Через час или полтора он уже будет здесь.

– Вот поэтому я не люблю летать, – пробормотал Дронго, – здесь я сделал только промежуточную остановку. Возвращался к семье в Италию. Нужно было сразу лететь в Рим, но я решил побывать на Мадейре. Никогда здесь не был, просто любопытно. Между прочим, я не знал, что ты здесь начальник полиции.

– Я же местный, – повторил Фернандо ди Фигейреду, – к тому же с таким опытом работы в Интерполе. Хотя если честно, то здесь почти не бывает серьезных преступлений. Самые большие неприятности доставляют эмигранты из Марокко, которые пытаются любыми способами пробраться на наши острова, чтобы потом переехать в Европу, уже без визового оформления. Ты даже не представляешь сколько подобных людей мы отлавливаем и возвращаем назад, в Африку. Придется тебе провести на острове лишний день. Надеюсь, что ты не будешь скучать.

В этот момент в комнате снова появился Жуан Абрамшис. Он переминался с ноги на ногу, очевидно, собираясь сообщить нечто неприятное.

– Что случилось? – спросил ди Фигейреду.

– Ее секретарь, – пояснил Абрамшис, – мы проверили все ее вещи. Ценности и деньги на месте, кредитные карточки никто не трогал, но ее секретарь уверяет, что пропала ее кукла.

– Что пропало? – не поверил услышанному начальник полиции.

– Ее кукла, – уныло повторил офицер, – он говорит, что она очень дорожила этой куклой.

– Старая маразматичка, – пробормотал ди Фигейреду, – впала в детство и возила с собой свои куклы. Скажите, что полиция не занимается розыском кукол. Это не наше дело. Если ее смерть была естественной, то нас эти куклы просто не интересуют. Главное – ценности и деньги. Сколько у нее было наличных?

– Около четырех тысяч евро, – сообщил Абрамшис.

– Ничего не пропало?

– Нет.

– А ценности? Она возила с собой разные серьги и кольца?

– Два комплекта от фирмы «Шопард» и один большой комплект от «Ван Клиффа», – сообщил Абрамшис, – еще одно кольцо работы известного итальянского мастера. Полная опись вещей была составлена ее личным секретарем Энтони Дикинсоном. Мы проверили, все ценности лежали в ее шкатулке, ничего не пропало.

– Очень хорошо. Скажи, что насчет исчезнувшей куклы мы тоже подумаем. Создадим оперативную группу и бросим ее на поиски исчезнувшей куклы, – пошутил ди Фигейреду. – Самое главное, что все ценности и деньги на месте. А как кредитные карточки?

– Шесть кредитных карточек, – ответил Абрамшис, – все на месте в ее портмоне.

Этот офицер явно знал свое дело. Дронго одобрительно кивнул, Абрамшис сообщал все эти сведения, никуда не заглядывая и полагаясь на свою память. Он четко отвечал на вопросы, которые задавал ему начальник полиции. Очевидно, несмотря на молодость, Абрамшис был опытным и работоспособным офицером.

– Тогда скажи, что куклы нас не интересуют, – отмахнулся ди Фигейреду.

– Я уже сказал ему это, но он настаивает на личной встрече с вами.

– Сначала нужно провести вскрытие. И вообще, посоветуй ему вести себя более сдержанно. Ведь он может оказаться первым подозреваемым, если неожиданно обнаружится, что его хозяйка умерла от подозрительного несварения желудка или выпив какую-нибудь гадость. Кажется, он обязан был повсюду сопровождать ее?

– Они были вместе, – кивнул Абрамшис, – но он настаивает, что должен сообщить вам какие-то важные сведения.

– Ладно. Пусть поднимется. Нам еще не хватало заниматься куклами, – в сердцах пробормотал ди Фигейреду.

Абрамшис поспешил выйти.

– Нужно скорее отправлять тело в морг и готовить заключение, – недовольно сказал начальник полиции, – пройдем в кабинет, чтобы не мешать им забирать тело.

Они прошли в кабинет менеджера отеля. Дронго уселся на диван, ди Фигейреду разместился в кресле за столом. И почти сразу в кабинет вошли Абрамшис и молодой человек. Он был высокого роста, с непропорционально длинными конечностями. Вытянутое лицо, волосы ежиком, глубоко запавшие карие глаза. Это был Энтони Дикинсон, личный секретарь умершей баронессы.

– Извините, что я беспокою вас, – сразу начал Дикинсон, – но у меня к вам исключительно важное дело. Мы вместе с вашими офицерами составили опись денег и драгоценностей покойной баронессы. Все на месте, мы это тщательно проверили и пересчитали. Но не хватает самого главного. Среди ее вещей была кукла, которую она собиралась подарить своей племяннице, проживающей в Швейцарии. Мы должны были вылететь туда через Лиссабон уже сегодня вечером. Поэтому она взяла куклу с собой, чтобы подарить ее племяннице, которой исполняется пятьдесят лет.

– Очень интересно, – кивнул ди Фигейреду, – одна возит с собой куклы в восемьдесят лет, другая собирается в пятьдесят получить куклу в подарок. Зачем вы мне все это говорите? При чем тут эта кукла?

– Это была не совсем обычная кукла, – пояснил Дикинсон, – дело в том, что это была кукла работы художника Кристиана Бейлли.

– Хоть самого Ван Гога. Сколько может стоить кукла? Сто евро, двести, тысячу? И вы считаете, что мне нужно знать об этой пропавшей кукле, если ценности находятся на месте. На какую сумму примерно у нее было с собой драгоценностей?

– Тысяч на четыреста евро, – сообщил Дикинсон.

– Ну вот видите, а вы говорите про какую-то пропавшую куклу.

– Подожди, – перебил его Дронго, – вы сказали, что пропавшая кукла была работы художника Кристиана Бейлли?

– Да, вы верно назвали его имя.

– Это не тот, который сделал «Дрессировщика птиц» по заказу компании «Якоб Фризер»?

– Все правильно, – обрадовался Дикинсон, – вы так хорошо разбираетесь в куклах?

– Нет. Я разбираюсь в предметах, представляющих исключительную ценность. Фернандо, нужно внимательно выслушать этого молодого человека. Ты знаешь, сколько стоит кукла, о которой я говорю. Как раз – «Дрессировщик птиц» Кристиана Бейлли?

– Не знаю и не хочу знать. Сколько может стоить кукла? Пусть даже тысячу евро, но никак не больше.

– «Дрессировщик птиц» оценивается примерно в пять миллионов евро, – сообщил Дронго.

– Что? – не поверил услышанному ди Фигейреду и даже слегка привстал.

– Именно так, – подтвердил Дикинсон, – пять миллионов евро. А наша кукла тоже работы Кристиана Бейлли, сделанная по мотивам картины Боттичелли «Рождение Венеры». Эта кукла напоминает Венеру с картины Боттичелли, выставленной в галерее Уфицци. Она сделана в виде обнаженной женщины, выходящий из моря. У нее длинные светлые волосы. Правой рукой она закрывает грудь, левая внизу, придерживает ее длинные волосы. А подставка была сделана в виде раковины, которая тоже изображена на картине. У меня с собой страховое свидетельство на четыре с половиной миллиона евро. Такова страховочная стоимость исчезнувшей куклы.

– Четыре с половиной миллиона евро за куклу? – не поверил изумленный начальник полиции. – Или вы решили пошутить таким образом?

– Я могу принести страховое свидетельство, – сообщил Дикинсон.

– Четыре с половиной миллиона, – повторил ди Фигейреду, – черт возьми! А если она даже не привозила ее на остров?

– Она предъявила ее на таможне, чтобы задекларировать официально, – пояснил Дикинсон, – и показывала здесь некоторым делегатам конференции.

– Она была настолько богатой женщиной? – уточнил начальник полиции.

– Ее состояние оценивалось в двести сорок миллионов долларов, – гордо сообщил Дикинсон, – в последние годы она иногда жаловалась на сердце и поэтому решила подарить эту уникальную куклу своей племяннице. Дочери своей кузины. Их матери были сестрами.

– Может, она передумала и решила подарить эту куклу кому-то на нашем острове? – мрачно осведомился ди Фигейреду.

– Нет, – ответил Дикинсон, – я уже успел переговорить с горничной, которая обнаружила умершую баронессу. Когда она обнаружила тело баронессы, кукла стояла на тумбочке. Пустая коробка осталась в чемодане. Если бы баронесса решила кому-то подарить эту куклу, она бы отдала ее вместе с коробкой. Значит, кукла пропала уже после смерти баронессы.

– Только этого нам и не хватало, – пробормотал ди Фигейреду, – никогда не думал, что кукла может стоить таких денег. А ты откуда все это знаешь? – спросил он у Дронго.

– Уникальные куклы ценятся так же, как и крупные бриллианты, – пояснил Дронго, – особенно ценятся куклы, сделанные до тридцатого года прошлого века. Но даже современные куклы бывают очень дорогие. Например, недавно была продана кукла Барби, шестьдесят пятого года выпуска, за семнадцать тысяч долларов. А обычный плюшевый медвежонок выпуска начала двадцатого века может стоить четверть миллиона долларов.

– Сегодня же отниму все игрушки у детей и спрячу их в сейф, чтобы передать моим правнукам. Может, они станут миллионерами, – пробормотал начальник полиции, – значит, вы уже провели свою проверку? – спросил он у Дикинсона. – Решили поработать вместо нас?

– Меня просили составить подробную опись ее имущества, – напомнил Дикинсон, – а самое ценное, что у нее с собой было, – это кукла «Рождение Венеры», которую мы привезли сюда. Баронесса купила ее еще в семьдесят восьмом за двести пятьдесят тысяч долларов. Тогда это были невероятные деньги.

– Выходит, что ее могли убить из-за этой куклы? – предположил ди Фигейреду.

– Если кукла была в номере после ее смерти, значит, баронесса умерла без посторонней помощи, – предположил Дронго, – впрочем, давай не будем делать прогнозы, аждемся заключения эксперта. Нужно немедленно произвести вскрытие.

– Да, – согласился начальник полиции и вздохнул. – Только куклы мне и не хватало. Я был уверен, что эта смерть баронессы доставит нам неприятности.

– Ты же сам сказал, что я не буду у вас скучать, – напомнил Дронго.

– Составьте список постояльцев, – приказал начальник полиции, – всех, кто живет в этом отеле. Отель небольшой, и поэтому нам будет нетрудно проверить всех. И список работающих здесь местных жителей. Какая горничная убирала в номере баронессы и видела эта куклу? – спросил он у Абрамшиса.

– Пакита Жункейру, – сообщил тот, – обычно она убирает в сыютах.

– Если Пакита, то можно даже не сомневаться, что все так и было, – сказал ди Фигейреду, – это набожная и очень порядочная женщина. Я давно знаю их семью. Она не взяла бы даже одного песо, хотя у нас уже давно отменили песо. Она не взяла бы даже одного евро. В этом я уверен.

– Тогда начнем искать эту куклу, – подвел итог Дронго, – кажется, я видел женщину, которая прошла мимо моей гостиной. Нужно будет действительно просмотреть список постояльцев.

Они даже не могли предположить, какие трагические события последуют вслед за смертью баронессы и неожиданным исчезновением куклы.

Глава 3

В этот день Дронго так и не успел позавтракать. Они спустились вниз, чтобы просмотреть списки гостей. В сорока трех номерах отеля могло разместиться не больше ста человек, однако именно в эту ночь в отеле находилось только тридцать восемь человек, из которых – девять человек были участниками конференции и еще двадцать девять человек, среди которых был и сам Дронго. Если не считать его, то остальные двадцать восемь человек составляли группу австралийцев, организованно прибывших на отдых и собиравшихся сегодня днем покинуть Мадейру. Их самолет вылетал в Лиссабон. Гости с далекого континента еще не подозревали, что их рейс уже отменен и им придется задержаться на острове еще на несколько суток. Вместе с Фернандо ди Фигейреду Дронго внимательно изучал списки. Начал он с делегатов конференции. Энтони Дикинсон был своеобразным помощником в этом знакомстве. Вместе с ним в комнате находился и Жуан Абрамшис, который уже энергично начал проводить расследование обстоятельств смерти баронессы Хильберг. Разговор шел на английском, который знали все четверо.

– Девять участников конференции, – подвел итоги начальник полиции, – если учесть, что баронесса умерла, то остается восемь. Как вы считаете, мистер Дикинсон, она могла кому-нибудь показать куклу или рассказать о ней? Например, кому-то из австралийской группы.

– Не могла, – печально покачал головой секретарь, – мы рано завтракали и сразу уезжали на конференцию, а вечером возвращались к ужину. И даже позже, так как в первый день мы были на банкете, который давала местная Лига защиты женщин.

– Восемь человек, – повторил ди Фигейреду, – один из них вы, а второй некий Вацлав Сольнарж из Праги. Он тоже борется за права женщин?

– Это заместитель главного редактора журнала, – улыбнулся Дикинсон, – который тоже освещает проблемы женщин.

– Такой мужской ренегат, – с иронией добавил Дронго, – и шестеро женщин. Вы знаете каждую из них?

– Давайте пройдемся по списку.

– Стефания Гуарески, – прочитал начальник полиции, – прилетела из Рима. Ей сорок два года. Кто это такая?

– Известный юрист, – сразу вспомнил Дикинсон, – очень красивая женщина. Выиграла несколько громких процессов в европейском суде, защищая права женщин.

– Катиба Лахбаби, марокканка, тридцать восемь лет, – продолжил ди Фигейреду, – кто это?

– Понятия не имею. Но, кажется, она какая-то бизнесвумен. Руководит ассоциацией защиты прав марокканских женщин.

– Динара Ибрагимова, двадцать семь лет.

– Она из России. По-моему, журналистка. Но ничего больше о ней не знаю.

– Мильви Пухвель, тридцать пять лет.

– Эстонка. Известная защитница прав женщин. По-моему, член Европарламента.

– Кристина Маркевич, полька. Тридцать два года.

– Актриса, певица, ведущая популярной программы на польском телевидении.

– Каролина Лидхольм, сорок пять лет. Из Швеции.

– Она занимает какой-то важный пост в ассоциации защиты прав женщин. Кажется возглавляет какие-то европейские структуры. Известный меценат.

– Солидные люди, – заметил Дронго, – когда они должны были улететь?

– Судя по номерам, которые были для них забронированы, все должны были улететь именно сегодня, – ответил ди Фигейреду. Он взглянул на часы: – Наверно, ураган уже подошел к нашему острову. Скоро мы его почувствуем.

– С кем из этого списка баронесса общалась больше остальных? – поинтересовался Дронго.

– Со всеми одинаково, – ответил Дикинсон, – больше других она общалась с Алисой Хальдорф, но та уже улетела вчера вечером в Стокгольм. Есть еще прилетевшая из Киева Валентина Грищук. Но она поселилась в другом отеле. И, по-моему, еще не улетела.

– Кто она такая?

– Занимается политикой. Кажется, депутат законодательного собрания Украины. Ей под шестьдесят. Или чуть больше. Она все время сидела рядом с госпожой баронессой Хильберг. Бедная женщина, она так любила жизнь, – Дикинсон вытер набежавшую слезу. Очевидно, он действительно искренне относился к своей умершей хозяйке.

– И еще двадцать восемь постояльцев отеля, – просмотрел список начальник полиции.

– Двадцать девять, – возразил Дронго, – кстати, с точки зрения элементарной логики есть один наиболее подозреваемый тип среди всех остальных.

– Кто? – оживился ди Фигейреду.

– Ваш покорный слуга. Ведь я жил в соседнем с баронессой съюте, умею открывать чужие двери и понимаю, сколько могла стоять такая кукла. Кроме того, я не вхожу в группу организованных австралийцев, которые ходили везде со своим гидом. Что еще нужно для того, чтобы я был главным подозреваемым?

– Мое согласие, – проворчал начальник полиции, – а для этого я должен быть полным идиотом. Зачем тебе воровать эту дурацкую куклу? Ты еще скажи, что заодно и задушил нашу баронессу.

Дикинсон вздрогнул, с ужасом глядя на Дронго.

– Это я пошутил, – пояснил ди Фигейреду, – репутация нашего гостя выше всяких подозрений. Но куклу все же придется искать. Тем более если она была задекларирована на нашей таможне. Куда в таком случае она могла исчезнуть?

– Ее похитили, – убежденно ответил Дикинсон, – в этом нет никаких сомнений. И сделал это кто-то из наших, чужой не мог знать о ценности этой куклы, если сама баронесса об этом не сказала.

– Кукла была на подставке? – уточнил Дронго.

– Да. Она была небольшая, но очень искусно расписанная. У баронессы были две ценные куклы. Одна «Венера», которую сделал Кристиан Бейлли, и другая более современная, которую ей подарили. Эта кукла была изготовлена Джо-Эллен Трилленг. Она осталась в ее американской квартире. Но эта кукла стоит гораздо дешевле, хотя говорят, что со временем она будет стоить еще дороже.

– Куклы от Трилленг есть в коллекциях многих американских звезд шоу-бизнеса, – вспомнил Дронго, – я читал, что они есть у Элтона Джона и Майкла Джексона.

– Правильно, – кивнул Дикинсон, – баронесса об этом мне рассказывала. Вы просто специалист по куклам.

– К сожалению, нет. Я скорее специалист по очень дорогим предметам, которые вызывают интерес у преступников. И не только куклы. Дорогие картины, предметы роскоши, даже эксклюзивные часы тоже составляют предмет моих интересов.

В дверь осторожно постучали.

– Войдите, – разрешил ди Фигейреду.

В кабинет вошел менеджер отеля. Ему было уже под шестьдесят. Невысокого роста, плотный, с почти идеально лысым черепом и невероятным чувством собственного достоинства. Войдя в комнату, он обратился к начальнику полиции:

– Простите, что я вас беспокою. Но я хочу отпустить Пакиту домой. Мы получили сообщение о надвигающемся урагане. Она хочет вернуться к своим внукам.

– Скажи, что я отвезу ее домой на своей машине, – пообещал начальник полиции, – хотя нет. Лучше пригласи ее к нам. Мы поговорим, и я сразу же отвезу ее, ведь мне еще нужно будет заехать в полицию. Господин Дикинсон, вы пока свободны. Излишне напоминать вам, что вы никому не должны рассказывать, о чем мы здесь говорили.

– Разумеется, – кивнул секретарь. Он быстро вышел, едва не столкнувшись с горничной, которая входила в кабинет. Она посторонилась, пропуская его. У Пакиты были типичные негроидные черты лица, очевидно среди ее предков были и выходцы с соседнего континента. Она вошла, тревожно оглядываясь по сторонам.

– Успокойся, Пакита, – посоветовал ей ди Фигейреду, – сядь на стул и успокойся. И вспомни, что мы с твоим братом выросли вместе. Ведь наши семьи были соседями.

Он перешел на португальский, и Дронго только примерно догадывался, о чем именно они говорят.

– Господь примет ее душу, – выдохнула Пакита, – она умерла как святая. И у нее было такое спокойное лицо.

– Очень хорошо. Поэтому не волнуйся и разговаривай со мной как с вашим бывшим соседом. Кстати, Жуана Абрамшиса ты тоже знаешь?

– Я знаю его родителей, – улыбнулась Пакита, – у сеньора Абрамшиса очень достойные родители. В этом городе я знаю всех местных жителей, сеньор ди Фигейреду.

– Очень хорошо. А это наш общий друг, – показал ди Фигейреду на Дронго, – который не собирается делать тебе ничего плохого. Жуан, сядь поближе к нему и переводи наш разговор на английский.

Абрамшис подсел ближе к Дронго.

– Итак, что ты нам можешь рассказать? – спросил начальник полиции.

– Это я во всем виновата, – сразу ответила Пакита.

Жуан перевел ее слова. Ди Фигейреду нахмурился.

– Давай с самого начала. Почему ты считаешь себя виноватой? Я знаю тебя, Пакита, вот уже столько лет. И убежден, что ты ничего не могла забрать из номера.

– Упаси бог, – испугалась женщина, – конечно, не могла. Я не говорю, что я забрала какие-то вещи из номера. Но уходивший отсюда сеньор, который как раз сейчас вышел, очень настойчиво расспрашивал меня о кукле, которая стояла на тумбочке, рядом с кроватью. С другой стороны, там, где не было телефона. И я видела эту куклу. А потом мне сказали, что ее там не нашли.

– Какая собой была эта кукла?

– Небольшая. Вот таких размеров, – она развела руки примерно на сорок сантиметров, – на небольшой подставке. Такая красивая женщина, которая явно стеснялась. Лицо у нее было как у Мадонны.

– И ты видела эту куклу, когда вошла в спальную комнату?

– Да. Я видела ее так же ясно, как вижу сейчас вас.

– Очень хорошо. Что было потом?

– Потом я позвала сеньора Виржилио Машаду, нашего менеджера.

– Нет-нет. Что было до этого? Ты вошла в спальню и обнаружила умершую баронессу. Но до этого ты была на первом этаже, в гостиной. Ты открывала там дверь в парк?

– Открывала. Поэтому я и говорю, что виновата в пропаже куклы. Я вошла в ее номер и увидела, что она не закрыла жалюзи. Почти никто не закрывает жалюзи, за исключением вот этого господина, который сидит в комнате вместе с нами, – она показала на Дронго. – У нее даже не были задернуты занавески. Я знала, что она просыпается рано и уходит на завтрак.

Поэтому открыла стеклянную дверь, чтобы проветрить комнату. Мы всегда так делаем. И тогда кондиционеры, работающие в номерах, автоматически отключаются.

– Ты кого-то увидела?

– Нет, никого. Но из парка доносились голоса гостей. Некоторые любят гулять по утрам или купаться в бассейне перед завтраком.

– Ты оставила двери открытыми и поднялась на второй этаж?

– Да, я так и сделала. Поднялась, чтобы открыть окна на втором этаже и балкон. Но когда я вошла в спальню, то увидела умершую женщину. Нет, не сразу, – вспомнила Пакита, – я еще прошла в ванную комнату. В большую ванную. Там был такой идеальный порядок. Потом я обернулась и увидела, что умершая не застелила свою постель. Она два дня очень аккуратно убирала за собой постель. Я подошла ближе и увидела, что она спит. Я подумала, что она спит. Но только потом поняла, что она заснула навечно, спаси, Господи, ее душу.

– И ты сразу позвала менеджера?

– Я еще оглянулась по сторонам. На комод лежали ее сумочка и шкатулка. На тумбочке стояла кукла. Я подумала, что нужно позвать господина Машаду. И сразу спустилась вниз по лестнице, чтобы сообщить о случившемся сеньору Машаду. Но я думала только об умершей и забыла закрыть дверь в парк. Это моя вина сеньор ди Фигейреду.

– Обычно ты называешь меня Фернандо, – напомнил начальник полиции, – твоей вины тут нет, Пакита. Ты все сделала правильно. И не вини себя. Ты – честная женщина, и мы об этом хорошо знаем. Сколько времени ты отсутствовала?

– Несколько минут. Я очень торопилась. Сразу побежала к сеньору Машаду и сообщила ему о случившемся. Он позвонил сеньору Негрейрушу и вместе с ним поспешил в номер к умершей.

– Кто такой этот Негрейруш? – спросил Дронго, обращаясь к офицеру полиции, когда тот перевел ему слова Пакиты.

– Заместитель менеджера отеля по вопросам безопасности, – шепотом ответил Абрамшис, – он был в гостиной, когда вы поднимались в спальню. Бывший сотрудник полиции. Сейчас на пенсии. Мы его хорошо знаем.

– Когда вы вошли в гостиную, там никого не было? – уточнил ди Фигейреду.

– Никого. Но дул ветер, и я закрыла дверь. Они поднялись наверх. Потом сеньор Негрейруш позвонил в полицию. И меня попросили подождать в гостиной. Через несколько минут приехал находящийся здесь офицер Абрамшис, а потом и все остальные. Сразу прибежал этот только что вышедший сеньор. Его тоже вызвали. Он даже громко заплакал, когда увидел умершую. Я была внизу, но все слышала. Он ее, видимо, очень любил. Потом он спустился вниз и сел за стол. Попросил меня дать ему коньяк, но я не могла брать коньяк из мини-бара. Тогда он сам достал оттуда бутылку. Но не маленькую из мини-бара, а другую, которая находилась в стеклянном шкафу. Она большая, и он налил себе сразу полстакана. Выпил и немного успокоился. А потом снова тихо заплакал. Я пыталась его успокоить. Он начал расспрашивать меня про куклу. Я не понимала, почему ему нужна эта кукла. Когда спустился сеньор Негрейруш и приехали офицеры полиции, они начали проверять вещи умершей. Нашли коробку от куклы, но сказали, что куклы в спальне уже нет. Это меня очень удивило, ведь я видела куклу на тумбочке. Неужели кто-то мог войти в спальню и обокрасть умершую. Это такой большой грех, что мне даже страшно думать о душе этого человека. Разве можно такое сотворить?

– Нельзя, – согласился ди Фигейреду. – Значит, сеньор Дикинсон сразу начал расспрашивать тебя о кукле?

– Да, почти сразу.

– Как интересно. Он был в таком состоянии, громко плакал, но не забыл про куклу, – задумчиво произнес начальник полиции.

– Не забыл, – подтвердила Пакита, – мне кажется, что это была дорогая кукла. Я увидела потом ее коробку. Наверно, она стоит пятьдесят или сто евро. Может, она была любимой игрушкой умершей, и поэтому он сразу вспомнил о ней.

Дронго и Абрамшис одновременно улыбнулись. Горничная даже не подозревала, сколько могла стоять эта исчезнувшая кукла. В этот момент небо за окнами потемнело и на остров обрушился первый удар урагана. Где-то зазвенели осколки разбитого окна, очевидно, не закрытого вовремя. Поднялся сильный ветер. Пакита испуганно перекрестилась.

– Нельзя было воровать куклу умершей, – убежденно произнесла она, – ее душа не успокоится, пока мы не вернем куклу в ее семью.

– Спасибо, Пакита. И не беспокойся. Я сам отвезу тебя домой, – предложил ди Фигейреду, – иди и собирайся. Сейчас поедем.

Порывы ветра начали трясти деревья за окнами. Пакита вежливо попрощалась и вышла из комнаты. Ди Фигейреду поднялся, задумчиво глядя ей вслед.

– Получается, что куклу похитили намеренно, – сказал он, обращаясь к Дронго, – ведь если кто-то случайно оказался в парке, когда была открыта дверь, и случайно поднялся на второй этаж, то он мог унести драгоценности или деньги, которые были в сумочке баронессы. Довольно приличная сумма. Четыре тысячи евро. Но вор забрал именно куклу. Значит, он знал, какую ценность представляла собой эта кукла, и охотился именно за ней.

– Получается так, – согласился Дронго, – если, конечно, баронесса умерла собственной смертью. Если ее отравили, то тогда все иначе. Тогда это сделал уже не вор, а убийца, который все точно рассчитал.

В дверь еще раз осторожно постучали. Ди Фигейреду нахмурился.

– Войдите, – мрачно крикнул он неизвестному посетителю.

Дверь открылась. Это снова был менеджер отеля Виржилио Машаду. Он вошел в кабинет и сразу сказал:

– У нас большие проблемы, сеньор ди Фигейреду. Я даже не представляю, что мы должны делать. Но мне сказали, чтобы я сообщил о наших проблемах именно вам.

– Что еще произошло? – недовольно спросил начальник полиции.

Глава 4

– мы не знаем, что нам делать, – признался менеджер отеля, – дело в том, что австралийская группа должна была сегодня улететь в Лиссабон. Все четырнадцать пар, двадцать восемь человек. Но из-за начавшегося урагана все вылеты на острове отменены.

– Мне это известно. Не вижу в этом особой проблемы. Ураган должен закончиться завтра к вечеру. Предельный срок – послезавтра. Потом они могут улететь.

– Вот именно, – кивнул сеньор Машаду, – но кто нам заплатит за эти полтора или два дня? В группе двадцать восемь человек. Они занимают четыре апартамента и шесть двухместных номеров. Это примерно около трех тысяч евро в день. За два дня наши убытки вырастут до шести тысяч евро, не говоря уже о завтраках, которыми мы должны их кормить.

– Я не совсем понимаю ваши проблемы, – недовольно заметил ди Фигейреду, – и какое отношение они имеют к полиции?

– Места для них заказаны через туристическую компанию в Лиссабоне, – пояснил сеньор Машаду, – а они считают ураган форс-мажорным обстоятельством и отказываются платить, полагая, что мы обязаны содержать группу в своем отеле, так как они не могут выехать. Но наше руководство отказывается платить за всю группу и предлагает им переехать в другой отель, где цены в два раза меньше, чтобы переждать там ураган. Но смерть баронессы все изменила. Ваши сотрудники считают, что мы не имеем права никого отпускать до окончания расследования. Поэтому мне пришлось обратиться именно к вам, сеньор ди Фигейреду.

– Теперь ясно. Что вы хотите от меня конкретно?

– Вашего разрешения. Чтобы мы могли организованно погрузить всю группу в автобус и перевезти в другой отель, где они могут переждать ураган.

– А в вашем отеле они не могут переждать ураган? – насмешливо спросил начальник полиции.

– У нас слишком дорогой отель, – притворно вздохнул менеджер, – шесть тысяч евро для нас слишком большие деньги.

– Вы поступаете неразумно, сеньор Машаду, – сказал ди Фигейреду, – дело в том, что за эти полтора-два дня к вам гарантированно никто больше не поселится и не приедет. Самолеты не летают, корабли и яхты укрыты в портах. Разве что кто-то из местных чудаков решит снять номер на одну ночь. Но насколько я знаю, в вашем отеле таких случаев не бывало. Зачем выгонять австралийцев, если их места все равно никто не займет? Возьмите с них хоть символическую плату и оставьте их в номерах. Так будет гораздо выгоднее, вы получите хотя бы какие-то деньги. Иначе вы просто ничего не получите.

– Мы не можем брать символическую плату, – возразил менеджер, – у нас отель высшей категории. И есть предельные скидки, которые мы можем предоставить гостям, даже при форс-мажорных обстоятельствах. Иначе нас накажет министерство туризма. Они внимательно следят за ценами в наших отелях. Мы просто не имеем права идти на подобные скидки, даже если мы действительно теряем свои деньги. А в соседнем отеле, куда их отвезут, цены в три раза меньше наших. И отель неплохой – четыре звезды. Остается только получить ваше согласие.

– Делайте как считаете нужным, – пожал плечами начальник полиции, – в конце концов они все равно не уезжают с острова, а остаются в нашем городе. Только сообщите номера их комнат моему офицеру, чтобы мы знали, как их найти в случае необходимости.

– Обязательно, – обрадовался сеньор Машаду, – мы все так и сделаем. Сейчас скажу, чтобы австралийцы собирались. Уже первый час дня, им пора переезжать.

– А как быть с гостями, прибывшими на конференцию? – уточнил ди Фигейреду. – Их вы тоже собираетесь куда-то переселять?

– Нет-нет, – даже замахал руками менеджер, – с ними как раз все в порядке. Всемирная организация женщин имеет таких богатых спонсоров, что они готовы платить за своих оставшихся делегатов хоть на месяц вперед. Там нет никаких проблем. Мы уже сообщили нашим гостям, что все их обеды и ужины в отеле будут оплачены. Можете не беспокоиться, сеньор начальник полиции, они останутся в отеле. Они наши гости.

– Это благородно, – с трудом сдерживая смех, произнес ди Фигейреду, – вы просто человек с большим сердцем.

– Мы всегда готовы помочь нашим гостям и нашей полиции, – радостно ответил сеньор Машаду, поспешно выходя из номера. Абрамшис коротко пересказал Дронго суть их беседы.

– Австралийская группа переедет в другой отель, – подтвердил Фернандо, – думаю, что это даже к лучшему. Останутся основные подозреваемые, прибывшие на конференцию. Все восемь человек и ты. Больше здесь никого не будет.

– Может, получить санкцию прокурора и провести обыск по всему отелю? – предложил Абрамшис. – В этом случае мы быстро найдем куклу.

– Ни в коем случае, – сразу ответил ди Фигейреду, – если у тебя еще когда-нибудь появится подобная мысль, сразу напиши заявление об уходе из полиции. Начнем с того, что нам никогда не разрешат проводить обыск во всех номерах пятизвездочного отеля. Скандал на весь мир. К тому же совсем не доказано, что баронессу убили. А если она действительно умерла своей смертью, что на девяносто девять процентов соответствует моим убеждениям, то тогда скандал будет еще большим. Получается, что из-за какой-то куклы мы устроили обыск в номерах, подвергли унижительному досмотру наших гостей. Мадейра считается туристическим раем для гостей со всего мира, и таковым она должна остаться. Если даже нам разрешат каким-то чудом провести обыск и будет решение прокуратуры или суда, если даже мы найдем эту злосчастную куклу и вернем ее наследникам баронессы, если даже выяснится при этом, что ее отравили или задушили, то и тогда у меня будут очень серьезные неприятности. Никто не позволит работать дальше начальнику полиции, который устроил обыск в таком отеле, подвергая досмотру приехавших гостей. В лучшем случае меня просто уволят, в худшем – обвинят в злоупотреблении служебным положением и отдадут под суд после увольнения. Ты же местный, Жуан, должен четко представлять себе последствия такого шага.

Абрамшис покраснел. Этот молодой человек не потерял способности краснеть, даже работая в полиции. Он отвернулся.

– Все, – посмотрел на часы ди Фигейреду, – я уезжаю и вернусь к вечеру, когда у меня будут результаты патологоанатома. Можете работать без меня. И во всем полагайтесь на мнение нашего гостя, – показал он на Дронго, – во всяком случае нам повезло, что рядом с нами оказался такой эксперт. Надеюсь, что у тебя нет никаких особых дел в городе?

– Нет, ничего особенного.

– Тогда оставайся в отеле. Ураган, конечно, не такой, какой бывает на Карибах, но все равно неприятный. У нас такие случаются очень редко. Обычно ураганы идут с востока на запад и достигают своей силы в районе Кубы, Мексики или южного побережья Соединенных Штатов. А этот ураган какой-то упрямый, решил повернуть на юго-восток.

Было слышно, как за окнами усиливается ветер.

– До свидания, – ди Фигейреду пожал руки обоим мужчинам и стремительно вышел из кабинета.

– Что будем делать? – спросил Абрамшис, обращаясь к Дронго. – С чего начнем?

– Для начала пообедаем, – предложил тот, – учитывая, что я не завтракал, у меня будет ранний обед. Пойдемте вместе, я вас приглашаю. Чтобы сеньор Машаду не переживал из-за необоснованных трат на полицию.

Молодой офицер улыбнулся. Гость не знал, что о жадности сеньора Машаду на острове ходили легенды.

Они пришли в ресторан к часу дня, когда здесь еще никого не было. Австралийская группа начала собирать чемоданы, чтобы покинуть отель, а остальные гости еще не появились. Некоторые даже не знали о происшествии в отеле, некоторые с изумлением узнавали, что будут вынуждены задержаться на острове из-за урагана, обрушившегося на Мадейру. Как бы там ни было, перемену в погоде почувствовали все. Еще утром ярко светило солнце и приятный северный ветер освежал лица, но уже к полудню небо заволокли тучи и начал накрапывать столь редкий в этих местах дождь. Ветер усиливался с каждой минутой, постепенно набирая силу. По местным телевизионным каналам уже прошли штормовые предупреждения для моряков и рыбаков. Последние лодки с рыбаками возвращались на остров. Здесь привыкли доверять специалистам, и никто не собирался рисковать. Рыбаки были очень недовольны. В такое время года лов бывает очень удачным, но строгое предупреждение метеорологов было обязательным для исполнения.

Они уже заканчивали обедать, когда в зал вошли две женщины, разговаривающие по-русски. Дронго удивленно взглянул на обеих посетительниц. И улыбнулся. Характерный акцент одной из них, молодой женщины среднего роста, довольно плотной и упитанной блондинки со светло-голубыми глазами, выдавал в ней эстонку.

– Я думаю, что мы задержимся только на один день, – говорила она, – поэтому вы, Динара, не волнуйтесь, как только я вернусь в Страсбург, я сразу же вам перезвоню.

– Меня очень интересует эта работа норвежцев, – сказала ее собеседница, очевидно Динара Ибрагимова, журналистка из Москвы, которая значилась в списке делегатов конференции. Она тоже была среднего роста, очень стройная, подтянутая, с распущенными темными волосами. Лицо у нее было характерным: курносый нос, светлые глаза, мелкие черты лица. Очевидно среди ее предков преобладали славяне. В этом не было ничего удивительного. Среди представителей славянских национальностей можно было встретить людей с высокими скулами, узкими глазами, характерными для азиатской внешности татар или башкир, а среди татар или башкир соответственно можно было обнаружить людей с преобладающими славянскими чертами. На протяжении многих столетий народы, живущие рядом, перемешивались друг с другом, передавая своим потомкам смешанные черты разных рас и национальностей.

Женщины сели за столик. Абрамшис удивленно обернулся на них.

– Кажется, они говорят по-русски, – сказал он, – вы должны их понимать. Сеньор начальник полиции говорил, что вы родились в Баку. Ваша страна тогда тоже входила в Россию?

– В Советский Союз, – поправил его Дронго, – и Эстония тоже входила. А вот ее собеседница наверняка татарка, но она живет в Москве, и поэтому русский язык для нее такой же родной, как и татарский.

– Я читал в истории, что татары и русские много веков убивали друг друга, – вспомнил Абрамшис.

– Монголо-татарское иго, – пояснил Дронго, – это было не совсем так, как написано в европейских учебниках истории. К тому же за последующие века они перемешались и вот уже более полутысячи лет живут вместе и очень дружно. Кстати, Фернандо сказал мне, что вы местный чемпион по теннису. Значит, должны были слышать о сборной России по теннису.

– Конечно, слышал. У них гениальный капитан – Шамиль Тарпищев.

– Так вот, он татарин. И выступающие в его команде брат и сестра Сафины тоже татары. Просто в России давно уже не разделяют людей по этому признаку. Среди нормальных людей, конечно, – добавил Дронго, – а рядом с Динарой, очевидно, сидит Мильви Пухвель из Эстонии, я узнал ее по типично эстонскому акценту.

На Мильви были джинсы, облегавшие ее плотную фигуру, и темная майка. На Динаре – кремовое платье. Сверху она набросила пуловер, перевязав рукава крест-накрест.

В ресторан вошла смуглая женщина в красном платье. Она подошла к столику, за которым сидели Динара и Мильви, вежливо поздоровалась и уселась на свободный стул рядом с

ними. У нее были миндалевидные глаза, узкий нос с горбинкой и высокие скулы. По цвету ее темной кожи можно было понять, что она родом из соседнего Марокко. Это была Катоба Лахбаби. Следом вошел мужчина лет сорока. Он был в светлых вельветовых брюках и цветной рубашке с длинными рукавами. Всклоченные светлые волосы, немного выпученные глаза, полные губы, в левом ухе поблескивала серьга. Увидев сидевших женщин, он улыбнулся и поспешил к ним за столик. С каждой из женщин он поцеловался, словно не виделся с ними целую вечность. Это был Вацлав Сольнарж, журналист из Праги.

– Вы слышали, что произошло в нашем отеле? – оживленно спросил он на хорошем английском языке.

– Баронесса Хильберг умерла сегодня ночью во сне, – ответила Мильви Пухвель, – мне сразу сообщили об этом.

– А я уже передала об этом в Москву, – призналась Динара. По-английски она говорила вполне свободно.

– Очень жаль баронессу. Она была приятным собеседником, – грустно сказал Вацлав, – нужно будет заказать вина, чтобы выпить за упокой ее души. Скажите, вы не знаете, насколько мы задержимся на этом острове, госпожа Лахбаби?

– Почему вы спрашиваете об этом у меня? – удивленно спросила Катоба.

– Вы же из соседней страны, – пояснил Вацлав, – значит, должны знать, сколько длятся такие ураганы и как долго мы будем сидеть в нашем отеле.

– У нас в Марракеше не бывает таких ураганов, – ответила Катоба, – у нас пыльные бури. А насчет Мадейры я не знаю.

– Надеюсь, что нас задержат не очень надолго, – вздохнул Вацлав, – ой, посмотрите, кажется, пришла сеньора Гуарески.

В зал вошла женщина. Нет, до этого в зал ресторана тоже входили женщины. Но они просто входили, чтобы пообедать. Эта женщина вошла, чтобы обратить на себя внимание. Высокого роста, с идеальной фигурой, на высоких каблуках-лабутанах, еще более увеличивающих ее рост. В сине-белом платье, выгодно оттеняющем ее загорелую кожу оливкового цвета. Скуластая, похожая на тигрицу, с идеально уложенными волосами и с безупречным макияжем. Создавалось ощущение, что она спустилась не к обеду, а пришла на прием к уже несуществующему много десятилетий королю Португалии.

– Добрый день, сеньоры и сеньориты, – первой поздоровалась Стефания Гуарески, – приятного вам аппетита. Она прошла за соседний с женщинами и Вацлавом столик, подождала, пока подскочивший официант отодвинет ей стул, и уселась на него как королева.

Все три женщины только кивнули ей в ответ. Было понятно, что подобная броская красота итальянки вызывает если не ненависть, то неприятие всех остальных женщин. В зал вошла молодая женщина в сером брючном костюме. У нее были коротко стриженные волосы, серые глаза. Она была лет на десять моложе итальянской красавицы, и поэтому красота последней не действовала на нее столь оглушающе. Это была Кристина Маркевич. Она улыбалась.

– Я только сейчас приехала из города, – сообщила Кристина, – что тут творится? Поднялся такой страшный ветер. И портье мне сказал, что теперь мы будем обедать и ужинать в отеле, пока ураган не стихнет. Как это романтично! Почему у вас такие кислые лица? – спросила она, обращаясь к сидевшим за первым столиком.

– Тише, – попросил ее Вацлав, – у нас случилось несчастье.

– Что произошло? – удивилась Кристина.

– Сегодня ночью во сне умерла баронесса Хильберг, – тихо сообщил Вацлав.

– Какое несчастье, – сказала Кристина таким голосом, каким говорят домохозяйки на рынке, узнав о том, что закончилась спаржа. Она подошла к столику, где в гордом одиночестве сидела Стефания Гуарески, и уселась рядом с ней.

– Отчего она умерла? – спросила Кристина у сидевшей рядом итальянки.

Та пожала плечами:

– Понятия не имею. Наверно, сердце. Ей было уже под восемьдесят.

– Но она так хорошо выглядела.

– Иногда такое случается, – заметила Стефания.

В зал вошла еще одна женщина. Такого же высокого роста, как Стефания, и тоже на высоких каблуках. Только у нее была белая юбка–миди, закрывавшая ее загорелые, мускулистые ноги, и темная блузка без рукавов, не скрывавшая ее высокой груди и мощных, почти атлетических рук. У женщины были зеленые глаза, прижатые к голове большие уши, чувственный рот, резко очерченные скулы. И повадки пантеры. Очевидно, что двум таким грациозным «животным» за одним столом было очень некомфортно. Но для восьмерых гостей было накрыто только два стола, а демонстративно пересаживаться за другой столик никто не хотел. Это была Каролина Лидхольм. Дронго подумал, что в свои сорок пять эта женщина великолепно сохранилась. Она прошла к столу и уселась напротив Стефании, коротко кивнув ей. Между ними словно проскочила искра.

Как странно, подумал Дронго. Когда-то бальзаковский возраст считался для женщины предельно допустимым для флирта и любви. А ведь сегодня женщина, когда ей исполняется тридцать, только начинает расцветать. Все изменилось. Когда-то мужчина в пятьдесят считался глубоким стариком, а сейчас это еще молодой человек, полный сил и планов на будущее. Женщина в сорок уже была старухой, а сейчас они выходят замуж и рожают именно в этом возрасте, не говоря уже о любовниках, которых принято заводить именно после сорока. Может, я думаю так, потому что мне начали нравиться женщины в возрасте? Нет, они мне всегда нравились. Я никогда не понимал, как можно влюбляться в восемнадцатилетнюю девушку, ничего не понимающую и не знающую жизни. Или во мне говорит мой возраст? Возможно, я не совсем прав, ведь чувство любви преображает любую женщину. И все-таки, все-таки... Гораздо интереснее беседовать с человеком, который много знает и много повидал, чем открывать книгу, в которой нет ничего, кроме пустых страниц. Хотя некоторым нравится самим заполнять эти страницы.

Достаточно взглянуть на Каролину Лидхольм или Стефанию Гуарески, чтобы понять, насколько изменились все представления о возрасте. Одна из его знакомых поехала в Лос-Анджелес в сорок семь лет и решила рожать, сделав себе искусственное оплодотворение. Родилось сразу трое близнецов. В прежние времена ее бы назвали героиней, в Средние века просто сожгли бы на костре. В двадцать первом веке это посчитали в порядке вещей. Он хорошо помнил, как в Вашингтоне его познакомили со спикером американского конгресса – Нэнси Пэлоси. Ей было уже далеко за пятьдесят. У нее было пятеро взрослых детей. Но эта женщина произвела на него неизгладимое впечатление. Он даже рискнул бы сказать, что тогда немного влюбился в нее. Эта трехминутная встреча была первой и последней, но он запомнил ее на всю жизнь. В другом случае его познакомили с настоящей красавицей, актрисой, моделью и певицей, позже ставшей супругой президента Франции. Ей тоже было под сорок, но она не только сохранила изящную фигуру и молодую осанку, но и вызывала восхищение мужчин своими независимыми взглядами и суждениями. Очевидно, президент Франции был не самым последним мужчиной в этой стране, если сумел покорить сердце подобной красавицы.

Мир менялся. И иногда не в худшую сторону. Это относилось в том числе и к эмансипированным женщинам, все дальше и дальше отодвигающим предельный возраст дамы, после которого флирт практически исключался. Теперь за молодых красавцев выходили замуж дамы в возрасте, иногда годившиеся им в матери, и не во всех случаях это был мезальянс.

Официанты начали подавать салаты. Абрамшис посмотрел на оба столика.

– Дикинсона нет, – шепотом сообщил он, – наверно, не может есть. Неужели он действительно так переживает ее смерть?

– Возможно, – кивнул Дронго, – но нам все равно нужно будет с ним переговорить еще раз.

Едва он закончил свою фразу, в зал ресторана вошел Энтони Дикинсон. Он успел переодеться и теперь был в светлом костюме и темной рубашке без галстука.

– Значит, не очень-то он и переживает, – усмехнулся Абрамшис, взглянув на секретаря. – Может, он нарочно разыгрывал перед нами безутешное горе?

Глава 5

Дикинсон оглядел всех собравшихся и как-то нерешительно прошел дальше. Остановился у столика, где сидели Дронго и Абрамшис. Они были в обычных костюмах, и никто из женщин не обращал на них особого внимания, если бы не появившийся Энтони Дикинсон.

– Здравствуйте, господа полицейские эксперты, – неестественно громко сказал Дикинсон, и все посмотрели в их сторону, – вы еще ничего не нашли? Мало того, что несчастная баронесса умерла в этом чужом месте, в гостиничной кровати, она еще и лишилась своей куклы.

– Не кричите, – попросил его Абрамшис, – мы вас хорошо слышим.

– Значит, куклу вы тоже не нашли. Бедная «Венера», она, наверное, тоже умерла, – сказал Дикинсон по-прежнему громко. Он слегка качнулся.

Дронго понял, что несчастный секретарь просто пьян. Он, очевидно, напился сразу после разговора с начальником полиции.

– Какая кукла? – спросил поднявшийся со своего места Вацлав Сольнарж.

– Он не в себе, – тихо произнесла Мильви Пухвель.

– Вы все спокойно обедаете, как будто ничего не произошло, – закричал Дикинсон, – а она умерла! Вам все равно, была она или нет. Кто-то из вас еще и обокрал несчастную миссис Хильберг. Бедная Элизабет.

Теперь уже все женщины смотрели в их сторону. Некоторые даже поднялись со своих мест.

– Хватит, – резко сказал Абрамшис, поднимаясь со стула и хватая несчастного секретаря за руку, – вы пьяны. Вам нельзя здесь оставаться. Вернитесь в свой номер, и я попрошу, чтобы обед вам подняли туда. Возвращайтесь.

– Не трогайте меня, – попытался вырваться Энтони Дикинсон, – я тоже хочу умереть. Зачем мне оставаться в этом несовершенном мире?

Он задел рукой стоявшие на столике бокалы и тарелки. Послышался звон разбитой посуды. В зал вбежало несколько официантов и сотрудников отеля. Абрамшис крепко схватил несчастного и потащил к выходу. Дикинсон обмяк и уже не сопротивлялся. Дронго сидел за столом не шелохнувшись. Подскачившие двое официантов убрали разбитую посуду.

– Извините, – сказал подошедший Вацлав, – я не говорю по-португальски. Вы понимаете английский?

– Да, – кивнул Дронго, – я вас слушаю.

– Скажите, господин офицер, про какую такую куклу говорил несчастный Энтони?

– Во-первых, я не офицер полиции, – усмехнулся Дронго, – я всего лишь частный эксперт-аналитик. А вот вышедший из зала ресторана мой напарник, который помогал господину Дикинсону, действительно офицер португальской полиции. Во-вторых, насколько я понял, речь идет о кукле, которая пропала из номера умершей баронессы.

– Какая кукла? – все еще не понимал Вацлав. Он обернулся, взглянув на шестерых женщин, молча наблюдавших за их разговором. Ни одна из них так ничего и не сказала.

– Мне пока ничего не известно, – ответил Дронго, – и это не мое расследование, ведь я не являюсь официальным лицом. Будет лучше, если вы поговорите с сеньором Абрамшисом, который сейчас наверняка вернется.

– Значит, нас будут держать здесь под домашним арестом, пока не найдут какую-то там куклу? – повысил голос Вацлав. – Вот для чего придумали эту историю про ураган и выселили отсюда всех австралийцев?!

Дронго поднялся. Неудобно разговаривать сидя. Он оказался на голову выше своего собеседника.

– Неужели вы не слышите завывания ветра? – спросил он. – Или вы думаете, что это тоже специально организовали для вас, поставив на крыши мощные вентиляторы? – Он увидел улыбки женщин, слушавших их разговор. – Ураган настоящий, а не придуманный, чтобы убедиться в этом, вы можете выйти на улицу. Австралийскую группу перевезли в другой отель, так как этот отель считается одним из самых дорогих на Мадейре и туристическая компания, которая прислала сюда австралийцев, отказалась оплачивать их пребывание. Поэтому было принято решение перевести их в отель другой категории. А вы считаетесь особо уважаемыми гостями, и поэтому ваше пребывание на острове оплачивается вашими многочисленными спонсорами, которые всегда находятся у женских организаций. Учитывая, какое количество красивых женщин присутствует сейчас в этом зале, я бы на вашем месте только порадовался такому соседству, а не стал бы столь бурно выражать свое негодование.

На этот раз раздался громкий смех. Некоторые из женщин, не выдержав, рассмеялись. Журналист из Праги был человеком с нетрадиционной сексуальной ориентацией, которую он никогда не скрывал. И любое количество красивых женщин вокруг не могло его радовать так, как этому радовался бы другой мужчина. Дронго взглянул на женщин. Стефания и Каролина громко смеялись, Кристина и Динара улыбались. Катиба не выражала никаких эмоций, Мильви пожала плечами.

– Мне не нравится, когда кто-то ограничивает мою личную свободу, даже из-за этого непонятого урагана, который так некстати сорвал все наши планы, – пробормотал Вацлав. – И сколько же дней мы будем сидеть в этом отеле?

– Пока не стихнет ураган. Насколько мне известно, он должен закончиться завтра к вечеру или послезавтра к утру. Значит, от силы двое суток, – ответил Дронго.

– Это кошмар, – вздохнул Вацлав, – у меня еще столько дел в Праге, просто не представляю, как мы выкрутимся. Придется передавать все материалы конференции через Интернет. И обрабатывать прямо здесь.

– Я уже так и сделала, – сообщила Кристина, – многие журналисты уже отправили свои сообщения.

– У нас солидный еженедельный журнал, – гордо напомнил Вацлав, – а не обычная ежедневная газета. Мы должны давать несколько иной материал, более содержательный и аналитический. Газета должна реагировать более оперативно, а журнал более серьезно освещать каждую затронутую тему. Интересно, остальных участников конференции, которые не смогли вовремя вылететь, тоже задержали в своих отелях?

Он не стал дожидаться ответа, отошел и вернулся к своему столику. Дронго поднялся, чтобы выйти из зала, когда вернулся Жуан Абрамшис.

– Еле успокоил нашего друга, – сообщил он Дронго, – уважаемые сеньориты и сеньорины, – обратился он к женщинам, – сеньор Сольнарж. Я хочу сообщить вам, что мы проводим расследование в связи со смертью баронессы Хильберг.

– Разве она не умерла естественной смертью? – встрепенулся Вацлав.

– Пока у нас нет окончательных данных, – громко ответил Абрамшис, – но судя по тем признакам, которые мы могли наблюдать, она действительно скончалась во сне. Однако вы понимаете, что каждый такой случай подлежит расследованию, даже если это была обычная смерть от тромбоза сосудов.

– Вы будете нас допрашивать? – встрепенулась Мильви Пухвель.

– Только с вашего разрешения, – тактично улыбнулся Абрамшис, – во избежание всяких слухов хочу объявить вам, что мы пока не имеем никаких других данных, свидетельствующих о насильственной смерти уважаемой баронессы Хильберг.

– А почему Энтони Дикинсон говорил об исчезновении куклы? – не унималась Пухвель. – О какой кукле идет речь?

Абрамшис взглянул на Дронго, словно спрашивая его совета. Тот кивнул головой. Рано или поздно все равно нужно будет рассказать всем о пропавшей кукле. Возможно, кто-то из сидевших в зале ресторана уже знает, о какой кукле идет речь, но не говорит об этом остальным.

– Дело в том, что у баронессы была с собой уникальная кукла, – сообщил офицер полиции, – и она непонятным образом исчезла. Возможно, она просто потерялась, возможно, баронесса сама отдала ее кому-то из своих знакомых. В любом случае мы попытаемся это установить.

– Какая глупость! – неожиданно громко заявила Кристина Маркевич. – Это была уникальная кукла, о которой мне говорила улетевшая Алиса Хальдорф. Она считала, что это настоящий образец искусства, если, конечно, речь идет о кукле «Рождение Венеры».

– Да, – кивнул Абрамшис, – именно об этой кукле я и говорю. Вы ее видели?

– Нет. Но мне рассказывала о ней миссис Хальдорф.

– Мы побеседуем с вами после обеда, – решил офицер полиции, – а пока прошу меня извинить, что я не представил нашего гостя. Это известный эксперт-аналитик господин Дронго.

– Не может быть! – несколько растерянно произнесла Динара Ибрагимова. – Я читала про него в одном из наших журналов. Значит, вы и есть тот самый Дронго?

– Не знаю, что именно вы читали, – улыбнулся он.

– А вы разве не итальянец? – вмешалась Стефания Гуарески. – Я тоже слышала про вас, но была уверена, что вы итальянец. Кажется, мне рассказывали, что вы живете где-то под Римом.

– Слишком много ненужных сплетен вокруг моего имени, – недовольно заметил Дронго.

– Если вы не станете возражать, мы побеседуем сначала с госпожой Маркевич, – предложил Абрамшис, – мы будем ждать вас через десять минут в кабинете менеджера отеля. Хочу сообщить всем, что австралийская группа уже покинула отель и теперь мы здесь единственные гости, не считая мистера Дикинсона, который находится в своем номере в не совсем идеальной форме для подобного общения.

Вместе с Дронго они вышли из зала, провожаемые взглядами шестерых женщин и Вацлава Сольнаржа. После ухода обоих мужчин наступила неприятная тишина.

– Что вы об этом думаете? – первой спросила Мильви, обращаясь к сидевшей рядом Катибе.

– Нужно переждать ураган, – спокойно ответила марокканка.

– Нет, я не об этом. Теперь нас не только задержали на острове, но и будут допрашивать.

– Они будут искать куклу, – напомнила Кристина, – при чем тут вы? Почему вы так нервничаете?

– Я не нервничаю. Мне вообще неприятно, что я не могу вовремя вылететь отсюда и должна принимать участие в непонятном расследовании по поводу исчезнувшей игрушки. Да и смерть самой госпожи Хильберг – очень неприятное событие для нашей успешной конференции.

– Ей было много лет, – напомнила Стефания.

– А мне казалось, что она будет жить вечно, – задумчиво произнесла Каролина, – она была в такой хорошей форме.

– Может, у нее было больное сердце, – вставила Динара, – мы же не знаем, от чего она умерла. Может, она вчера ночью понервничала. Или это был инфаркт. Все, что угодно. Ей было далеко за семьдесят.

Она была моложе всех и поэтому возраст «далеко за семьдесят» казался ей почти библейским. Остальные не совсем разделяли ее точку зрения.

– Нужно было поговорить с мистером Энтони и узнать, как умерла баронесса, – сказала Катоба, – но сейчас уже поздно об этом сожалеть. Он был в таком неуправляемом состоянии.

– Слабый мужчина, – неодобрительно сказала Стефания. – Когда им плохо, они напиваются, чтобы утопить в вине свое горе и свой страх.

– А может, он просто ее очень любил, – возразила Динара.

– Надеюсь в платоническом смысле, – хищно улыбнулась Стефания, – ей было восемьдесят, а ему чуть больше тридцати пяти. Она годилась ему в бабушки. Хотя в наше время так быстро меняются вкусы.

– Что вы такое говорите! – всплеснул руками Вацлав. – Он просто нежно и тепло относился к ней. Они ведь уже давно вместе ездят по всему миру. Кажется, он работает у нее уже лет пять. Он сам говорил мне об этом.

– В таком случае его безутешному горю можно только сострадать, – согласилась Каролина, – но почему господа полицейские эксперты считают, что мы должны знать об этой кукле? Почему они не подозревают обслуживающий персонал или остальных гостей?

– Видимо, у них есть веские основания так полагать, – сказала Мильви, – во всяком случае, теперь в отеле остались только мы одни.

– И кто-то из нас будет на подозрении как воровка, – тревожно вздохнула Кристина. – Это просто ужасно. Так неприятно чувствовать себя в роли подозреваемой.

– Что это была за кукла? – уточнила Мильви. – Сколько она стоила? Может, это был просто некий талисман?

– Нет. Насколько я помню, миссис Хальдорф говорила, что это уникальная кукла, сделанная по картине самого Боттичелли.

– Настолько старая кукла? – удивилась Мильви.

– Нет, не очень старая. Но сделанная по его картине. Кажется, «Рождение Венеры».

– И сколько стоит эта кукла? – не унималась Мильви Пухвель.

– Я не помню точно. Но можно все узнать. – Кристина достала свой мобильный телефон и набрала знакомый номер миссис Хальдорф. Довольно долго ждала соединения. Затем взглянула на телефон: – Кажется связь работает не так хорошо, у меня произошел сбой. Сейчас попробую еще раз. – Она повторно набрала номер.

И на этот раз услышала голос миссис Хальдорф.

– Добрый день, – обрадовалась Кристина, – извините, что я вас беспокою, миссис Хальдорф. У нас произошло несчастье. Умерла баронесса Хильберг. Да, да, умерла во сне. Большое несчастье, я с вами согласна. Мы все очень переживаем. Нет, никакой помощи нам не нужно. Спасибо. Мы еще находимся на острове, так как здесь нелетная погода. Надеюсь, что скоро мы вылетим. Нет, все в порядке. Я хотела узнать у вас про куклу. Помните, вы говорили мне о кукле, которую привезла с собой миссис Хильберг. Нет, я точно помню, что вы говорили мне о кукле «Рождение Венеры» по картине Боттичелли. Неужели не помните? Она исчезла, и ее теперь не могут найти. Да, кукла. Нет, та, о которой вы мне говорили. Как не говорили? Никогда о ней не слышали? Да, я вас понимаю. Тогда извините. Я, наверно, ошиблась. Простите.

Она опустила телефон, недоуменно посмотрела на сидевших вокруг женщин.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Кристина, явно смущенная таким внезапным ответом своей знакомой, – я не могла ошибиться. Она точно рассказывала мне об этой кукле. А теперь говорит, что никогда не говорила со мной на эту тему. И вообще первый раз слышит про эту куклу.

– Зачем она нам нужна? – встrepенулcя Вацлав. – У меня в моем мобильном телефоне есть Интернет. Сейчас уточню, сколько могла стоить кукла «Рождение Венеры». Если это известная кукла, то наверняка она есть в Интернете. Или проверим по картине Боттичелли. Там наверняка тоже есть ссылки на эту куклу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.